

АЙЖАНА МЫРСАН

ИСПОВЕДЬ НЕЛЕГАЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БИШКЕК
2018

Айжана Мырсан
Исповедь нелегала

«Автор»

2018

Мырсан А.

Исповедь нелегала / А. Мырсан — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11088-5

Мы обходим их стороной, стараясь не замечать и не думать о них. Они живут среди нас, выполняя всю грязную работу, и стараются быть незаметными. Они униженные и оскорбленные, они боятся быть пойманными и наказанными. Но они – это люди со своей историей с продолжением! Перед вами история долгого пути к счастью, рассказанная самым обычным нелегалом. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-11088-5

© Мырсан А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Айжана Мырсан

Исповедь нелегала

Исповедь нелегала

Посвящается тете Эле, которая была автором идеи, и своим примером показала, что такое истинная преданность матери.

Спасибо, жизнь, за то, что этот щедрый век
Звучал во мне то радостью, то болью.
За ширь твоих дорог, в которых человек,
Все испытав, становится собою.

Роберт Рождественский

Пролог

В фильмах все это выглядит по-другому, а в жизни никто никого не предупреждает, что лежа в запертом багажнике, человек испытывает муки ада. Никто не скажет, что на малейшей кочке в тело будто врезаются миллионы тонких иголок, что от нехватки кислорода теряешь сознание и возникает чувство, что перед тобой стена из ваты.

Я лежу в крошечной тьме уже более десяти часов, по крайней мере, мне так кажется, старенький Audi держит путь на запад, и киборг-водитель даже ни разу не сходил в туалет за это время. Я прозвал его киборг, так как любому нормальному человеку совершенно необходимо останавливаться в дороге, хотя бы для того, чтобы размять ноги. Но этот, видимо, привык к таким марш-броскам и поэтому хочет побыстрее отделаться от неприятной ноши в виде моего брэнного тела.

Мои мысли начали путаться, голова закружилась, и тело освободилось от накопившейся в нем жидкости. Во второй раз. Чувствуя, что вот-вот опять провалюсь в забытье, я мысленно вернулся в то время, когда мне было хорошо, я вспомнил маленький дом и теплые руки мамы. Ароматный хлеб и веселый смех соседских мальчишек за окном. Как все это началось? Как я дошел до этого крошечного ужаса в моей жизни? На этом мысль угасла, и я опять погрузился во тьму.

Кыргызстан

– Айбек! – громко позвала мама, стоя на пороге полуразвалившейся времянки, – сходи к реке, мне нужна вода, нечем стирать, а я должна отдать заказ Бурул-эже¹ завтра утром.

Гуля была прачкой и брала работу на дом, ее ценили и поэтому дефицита заказов у нее не было. Она все делала сверхмеры: крахмалила и гладила, подшивала и выводила самые трудные пятна, даже если это стоило ей кровавых мозолей на руках. Несмотря на свой еще молодой возраст, выглядела она значительно старше своих лет. Вокруг ее глаз виднелись морщинки, а улыбчивый рот с родинкой на губе все реже и реже улыбался. Это была хрупкая женщина, невысокого роста, с очень прямой спиной. Ее черные волосы уже покрыла седина, а когда-то веселый взгляд карих глаз потух и покрылся серой дымкой. Окружающих до сих пор вос-

¹ Эже – Уважительное обращение к женщине старшей по возрасту.

хищала ее способность ходить так прямо, женщины с завистью расспрашивали ее, как ей это удается, а она отвечала, что все детство провела, стоя у стенки с книгой на голове. «Я нашла хорошее применение книгам, они сослужили мне хорошую службу», – говорила она, смеясь. После того, как ее бросил муж, оставив одну с тремя детьми, она поклялась себе, что никогда не опустит руки, сама вырастит и выучит своих детей. Он украл ее², когда ей было всего семнадцать, увез в соседнее село, и в тот же вечер их поженит местный молдо³. Родители отправились за ней, намереваясь увезти домой, но, к сожалению, было уже поздно. После обряда Нике⁴ муж не стал долго ждать и воспользовался своим правом на первую брачную ночь, в результате чего она лишилась чести и вынуждена была остаться в доме новоявленного супруга. Это был почти незнакомый ей мужчина, старше на целых десять лет. Внешне он ничем примечательным не выделялся, и никаких чувств в Гуле не вызвал, но из страха девушка осталась и не стала сопротивляться.

В Кыргызстане воровство невест всегда было традицией, и за это никто никого не наказывал. Девушке, уже имевшей связь с мужчиной, не оставалось ничего другого, как только смириться со своей участью и попытаться строить жизнь в новой семье. Наделав троих детей, но не желая их обеспечивать, ее супруг уехал в город на заработки, но спустя год от него пришло известие, что он женился и живет в городе, а ее отпускает и освобождает. Только три слова написал он в конце записки: «Талак, талак, талак⁵». После этого Гуля четко решила для себя, что не будет страдать. Она упорно работала и потихоньку встала на ноги. Работала на износ только для одной цели, чтобы ее дети получили образование. Старший Айбек окончил школу с золотой медалью и должен был поступать в ВУЗ. Мать всячески помогала сыну в надежде, что он поступит на бюджет, так как платить за контракт денег не было. Родители Гули уже скончались, а родственников, которые бы ее признавали, у нее не было. Забота о детях висела на ней и рассчитывать она могла только на себя. Каждый раз, глядя на мальчика, она наполнялась гордостью за его успехи и стремление к учебе. Мальчик рос умным и начитанным, любую свободную минуту он использовал для чтения, находя книги по всему поселку. Гуля жалела сына и старалась не заваливать его работой, но две младшие дочери были еще маленькими, поэтому ее главным помощником оставался Айбек.

– Хорошо, апа⁶, – крикнул в ответ старший сын и кинул полено на кучу уже нарубленных им дров. Айбек был высоким парнем – наследие, которое досталось ему от подонка отца. Он носил короткую стрижку, единственно возможную для его непослушных черных волос, и мальчишескую челку, торчащую во все стороны. Айбеку, в отличие от большинства кыргызов, которые обычно имеют азиатский разрез глаз, посчастливилось иметь большие миндалевидные светло-медовые глаза и яркую родинку над губой, унаследованную от матери. Его, в остальном ничем не примечательному лицу, особую притягательность придавал взгляд, глубокий и пылкий, один раз увидев его, непременно хотелось оглянуться и рассмотреть получше, словно во всем облике парня была какая-то загадка, которую непременно хотелось разгадать. Когда мальчик родился, сельская повитуха, увидев его, сказала: «Этот парень проживет удивительную жизнь! У него впереди долгий нелегкий путь». К ее словам прислушивались, потому что она частенько оказывалась права в своих предсказаниях, поэтому Гуля почти сразу, как смогла, отнесла сына к мулле и попросила дать ему защиту.

² Выгода похищения невесты для жениха заключается в том, что в этом случае ему не приходится платить родителям невесты калым

³ Молдо (от слова *мулла*) – слово, присоединяемое до революции в Киргизии в качестве составной части к именам мужчин, получивших мусульманское образование. Молдо – мулла, грамотный человек.

⁴ Бракосочетание, по исламским законам

⁵ Слово, необходимое для прекращения брака, произносится мужчиной, после чего женщина может считать себя свободной (ислам)

⁶ «Мама» (перевод с тюркского)

В большинстве своем, кыргызские мужчины выглядели одинаково: средний рост, схожие монголоидные черты лица и смуглая обветренная кожа. Редко попадались уникальные случаи с необычной внешностью, но в целом, для любого иностранца все были на одно лицо. Горная местность очень четко отразилась на внешности нации. Холодные ветра и горячее солнце веками откладывали свой отпечаток, делая горных людей смуглыми и выносливыми.

Айбек, радуясь возможности прогуляться, схватил бочку, закинул ее на телегу и потащил к реке. Он всегда с энтузиазмом брался за работу, стараясь разгрузить мать, как можно больше, к тому же поход за водой всегда был ему приятен по личным причинам. Путь к реке лежал через весь поселок по одной-единственной главной дороге, которая была заасфальтирована еще в далекие советские времена, и с тех пор ни разу не подвергалась ремонту, поэтому давно превратилась в сплошной щебень. Их село вообще забыли, жители порой и денег-то не видели, только обменивались между собой, кто чем мог. Как и множество других сел Кыргызстана, это ничем примечательным не отличалось. Только несколько десятков старых домиков из самана, пара улочек и гигантские хребты, возвышающиеся над селом. Жизнь в селе была скучной и однообразной, в большинстве своем местные семьи занимались скотоводством и земледелием, пользуясь обилием речной воды и осадками, которые с завидной частотой проливались на головы сельчан. Жить высоко в горах нелегко. Но постепенно многие поколения жителей адаптировались к высокогорью и обладают более сильными легкими и ускоренным обменом веществ. Для молодежи перспектив и развлечений никаких не было, поэтому после окончания школы большая часть уезжала в город в надежде на лучшую жизнь. Те, кто оставался, в конечном итоге тоже находили себе применение, становясь отличными скотоводами.

Для Айбека возить воду туда-сюда было привычным занятием, с маминой работой по несколько раз на день приходилось мотаться к реке. Айбек был счастлив, что течет она еще не так далеко, как могла бы, и всегда с радостью отправлялся за водой еще и потому, что по дороге через весь аул он всегда встречал знакомых, узнавал последние новости и сплетни, и что самое главное, ему могло повезти увидеть Каныкей.

Она была его возлюбленной, хотя об этом и не догадывалась. Впрочем, она вообще не замечала местных парней, предпочитая оставаться для всех недосягаемой. Это была потрясающей красоты девушка с копной светло-рыжих волос, заплетенных в толстую косу. У нее были огромные глаза, обрамленные длинными, пушистыми ресницами и полные губы природного алого цвета. По всей видимости, она была потомком тех самых енисейских кыргызов, которые облюбовали территорию вдоль реки Енисей, и славились своей силой и воинственностью. Древние кыргызы отличались высоким ростом, голубыми глазами, светлой кожей и русыми волосами. Такой и была Каныкей, ей повезло родиться в семье местного главы сельской управы. В отличие от соседей, они жили в добротном доме из кирпича и имели огромное поголовье скота, а значит, были людьми богатыми, даже, говорят, настолько, что на ужин ели ананасы, а на завтрак круасаны. Может, Айбек и видел эти диковины по телевизору, но никогда даже рядом с такими деликатесами не стоял, поэтому подобное богатство вызывало в нем благоговейный трепет. Даже в самых смелых мечтах он не мог себе представить такую девушку своей женой. Но это не мешало ему просто ею любоваться. Правда, оставаясь с собой наедине, парень мечтал о прекрасной Каныкей, представляя ее в своих объятиях. Проходя мимо ее дома со своей старой, скрипящей телегой, он всегда находил причину для остановки: завязать шнурок или подобрать камень, мешающий проезду, или окликнуть старушку-соседку, которая сидит на лавочке возле своего дома, и всегда знает все о жизни в деревне. Правда, она здесь была размеренной и спокойной. Все соседи жили жизнями друг друга, и порой новости распространялись по селу в мгновение ока.

Иногда Айбеку везло, и его возлюбленная выбегала навстречу к своим подругам, не замечая ничего вокруг. В этот счастливый миг мир для него переставал существовать, все замирало вокруг, все темнело, кроме нее. От нее лился свет и она, порхая, как бабочка, легко,

вприпрыжку, выбегала из калитки. Ее волосы сияли ярче, чем луна на ночном небосводе, а глаза горели, как две самые яркие звезды. В такие минуты Айбек не смел дышать, он хотел стать невидимкой или мухой для того, чтобы иметь возможность, не теряя драгоценных минут, постоянно любоваться ее красотой и грацией. Он мечтал сопровождать ее как тень, и пока ему этого вполне хватило бы.

Сегодня был тот самый день, когда проезжая мимо, и как будто случайно, выронив монету из кармана, он затормозил свою старую, разваливающуюся телегу и с надеждой поднял глаза на ее дом. Это был большой двухэтажный особняк, сильно выделяющийся на фоне маленьких серых мазанок. Крыша дома была ярко-красной и блестела в солнечный день. Айбек ожидал увидеть привычную глазу картину, но был сильно удивлен, обнаружив небывалое для деревни зрелище. У ворот стояло несколько красивых машин, а из большого черного внедорожника, кланяясь и смеясь, выходили люди. Встречал их сам глава села и его жена, которая, не поднимая головы и держа руку у сердца, кланялась прибывшим гостям. У Айбека от увиденного сжались все внутренности. Спазм сковал его желудок и на всем теле выступил пот. Сердце стучало у самого горла, казалось еще чуть-чуть, и оно выскочит прямо изо рта. У кыргызов много традиций и обычаев, и парень знал, что так встречают гостей только по одному поводу.

– К ним просто приехали гости, – говорил он себе, – ничего необычного, успокойся. Но сердце его не обманывало. Соседский хулиган-третьеклассник, пробегая по улице, громко и торжественно кричал: «Каныкей выходит замуж! Каныкей увезут в город! За ней приехал городской богач!».

Один из приезжих, самый высокий и холеный, одетый в черную кожаную куртку и голубые джинсы, схватил мальчишку за шиворот, потрепал его по волосам в отеческой манере и, смеясь, сунул ему в руку зеленую банкноту. «Суйунчу⁷», – сказал он и отпустил пацаненка выкрикивать добрую весть дальше. Вся дружная компания вошла в дом и ворота закрылись, словно закрылось сердце с запертой в нем надеждой у самого Айбека.

Разум парня словно погрузился в туман, он, не понимая, что делает, бросил тачку и двинулся по направлению к их дому, но на полпути, осознав, куда он движется, пришел в себя и бегом, не замечая ничего вокруг, вернулся к своей телеге и быстро покатыл ее к реке.

С этого момента все его действия и желания были нацелены только на одно. Забрать свою любовь от этого ужасного злого старика, как ему тогда показалось. Влюбленное сердце нарисовало ужасающий портрет мужчины-монстра, который на самом деле был в полном расцвете сил, и находился в том возрасте, когда уже осознанно вступают в брак. Но юному Айбеку в то мгновение он показался дряхлым, уродливым старцем, похотливо причмокивающим губами, глядя на молодую свежую плоть. Вообще, это было свойственно кыргызам, удачно устроившись в городе, молодые парни к тридцати годам задумывались о семье и потому обращали свой взор на родные места и села, в которых выросли. Они договаривались со знакомыми, у которых были дочери, и забирали их в жены. Обычно у девушек не оставалось выбора, потому что отцовское слово для кыргызской девочки закон, и даже в шестнадцать лет дочку из хорошей семьи мог забрать уже вполне взрослый мужчина. Судьба у всех складывалась по-разному, кто-то обретал счастье, живя, как у Христа за пазухой, а кто-то оставался у разбитого корыта, потому что так и не смог найти общий язык с супругом и смириться с городским образом жизни. Кыргызские мужчины, под прикрытием Корана, частенько позволяли себе заводить по несколько жен одновременно, и с легкостью могли забросить свою семью ради новой молодой пассии, но далеко не каждая женщина принимала это и отсюда возникало множество разводов.

Айбек, так любивший свой родной край, каждый раз, любуясь величием горных хребтов со снежными вершинами, или играющими в догонялки осликами на поляне, в этот раз даже не заметил, как добрался до реки и набрал воду. Погруженный в свои мысли, испытывая сер-

⁷ Благая весть, за которую полагается вознаграждение первому, кто ее сообщает.

дечные муки, он с безграничной тоской на душе приволок бочку в старый деревянный сарай, где мать обычно стирала.

– Что с тобой? – спросила мать, с тревогой поглядывая на сына. Она вытерла пот со лба и прислонилась к кривой стене, до потолка покрытой плесенью.

– Ничего, – грубовато ответил он и пнул носком старого прохудившегося ботинка камешек.

– Каныкей замуж выходит за городского богача! – как раз вовремя крикнула в окно младшая сестренка Эля. Веснушчатая, по-мальчишечьи остриженная девочка-хулиганка. – Он дал доллары этому придурку Кузе, который всему аулу рассказал уже. – Сказав это, она убежала дальше, готовая поделиться новостями со всеми, кто готов был ее слушать.

– Правда? – спросила Гуля, слегка хмуря сросшиеся брови.

– Да, – буркнул Айбек, – я сам видел, они сейчас у них в доме, приехали на иномарках и большим черном джипе.

Гуля тяжело вздохнула, она знала о симпатии сына, и в груди у нее все сжалось от бессилия и невозможности ничем ему помочь. Поэтому она решила, что лучше не давать сыну расслабиться и забыть о будущей учебе в вузе, которая сулила ему счастливую жизнь. В глубине души Гуля даже обрадовалась новости о Каныкей. Мечты о ней сильно мешали сыну собраться с мыслями. К тому же она по себе знала, чем чреваты ранние браки, и хотела всячески оградить сына от необдуманных поступков.

– Слушай, они богачи, это нормально выдать дочь за такого же богача, не собирался же ты и вправду на ней жениться? – спросила она, напуская на себя суровый вид.

– Нет, но... – он умолк, глядя на суровое лицо матери.

– Вот и хорошо, они никогда не отдали бы ее за тебя, – сказала она и, несмотря на жалость, сжимающую грудь, улыбнулась любимому сыну. – Ты выучишься, станешь известным, разбогатеешь, и будет у тебя на выбор тысяча таких Каныкей.

– Мама, – возмутился Айбек, – таких, как она, больше не будет!

С этими словами он выскочил из сарая и побежал, не зная, куда, мчась со скоростью ветра, перепрыгивая через кусты и арыки. Опомился только на небольшом холме, на который иногда забирался, чтобы помечтать. С колотьем в боку и, задыхаясь от бега, он упал на желтеющую траву, несколько минут лежал с закрытыми глазами, боясь заплакать. Когда его дыхание выровнялось, он медленно приоткрыл глаза и увидел перед собой голубое небо с красивыми белыми облаками. Они быстро проплывали над ним, подгоняемые порывами ветра, несущими перемены в его жизнь. То и дело эти пушистые пуховки меняли свою форму, превращаясь то в миленьких кроликов, то изображая человеческий профиль. Вот красивое плотное облако объединилось с сестрами поменьше и, слившись, они приняли четкий контур лица его возлюбленной.

Айбек отвернулся от облака, запрещая себе смотреть на него, и стал рассматривать лучи заходящего солнца, которые играли на макушках деревьев. В одном из лучей он увидел прекрасную длинную косу божественно-рыжего цвета, в точности, как у Каныкей. Ее волосы сияли на солнце, словно искрящееся пламя раскидывало солнечных зайчиков, когда она распускала копну своих тяжелых волос. Застонав, он перевернулся на живот и стал рассматривать маленького муравья, тащившего на себе тяжелое зерно подсолнечника. На помощь к трудяге уже спешили его собратья, встав в рядок и разделившись по весу зерна, муравьи дружно схватились за ношу, намереваясь отнести добычу в свой муравейник, чтобы всю грядущую зиму кормиться своими гигантскими припасами. Рядом на листке клевера сидела красивая стрекоза, тонкие нежные крылышки которой переливались всеми цветами радуги, легко подрагивая на ветру. Айбеку сразу же вспомнилась знаменитая басня Крылова о судьбе двух насекомых. Как и в басне, красавица стрекозка с жалостью посмотрела на муравьев и, легко вспорхнув, полетала прочь от скучных трудяг. Вот так и Каныкей упорхнет из их села в другую – красивую жизнь.

– Нет, так нельзя, – сказал Айбек себе и закрыл глаза, стараясь не думать об облаках, муравьях и стрекозах.

Пролежав неизвестно сколько времени в раздумьях и борьбе с повсюду преследующими его образами Каныкей, он вынужден был возвращаться домой. Уже стемнело, и далеко в горах заухали совы, возвещая о приближении ночи. Ярко-алый закат и небеса, окрасившиеся в розовый цвет, нагоняли тоску и напоминали картины Гойены, которые он видел в одной из книг. В это время все местные пастухи возвращаются по своим домам, ведя за собой свои небольшие отары овец. А в маленькой мечети на краю поселка мулла запел призыв к вечернему намазу, и местные старики поспешно отправились совершать самый важный намаз дня. Вечер был прохладный и свежий. Все вокруг пахло скошенным сеном и горящими кострами, которые обволакивают всю деревню серой дымкой. Домашние хозяйки, как по сигналу, начали готовить ужин, одновременно разжигая костры под своими казанами. Еще полчаса и вся округа наполнится ароматами жареного мяса и свежего хлеба. После долгого рабочего дня главы семейств, уставшие и голодные, удобно располагались на небольших топчанах во дворе и, не торопясь, потягивали горячий чай с наватом. Размеренная жизнь в кыргызских селеньях очаровывала своей неспешностью и спокойствием.

Айбек с радостью остался бы на своем любимом холме, полежал бы до наступления ночи и встретил бы самую яркую звезду на небосклоне, с которой всегда ласково здоровался, и временами подолгу беседовал. Очень часто он забирался сюда ночью, взяв с собой теплое одеяло, и просто лежал, укутавшись до подбородка. Вместо того, чтобы проводить время со своими сверстниками у костра под песни и звуки гитары, он лежал здесь и любовался звездным небом, до которого, казалось, можно рукой достать. Айбек был уверен, что ни в одной планетарии мира не увидишь подобной красоты. Звезды сияли прямо у него над головой, и он представлял, как собирает их большим сачком для того, чтобы подарить своей любимой. Имея только школьные познания об астрономии, он все же умудрялся разглядеть Большую и Малую медведицу, узнать Марс и найти Кассиопею. Всем остальным красивым видам на планете он предпочитал звезды, они его завораживали и внушали благоговейный трепет. Он каждый раз загадывал желание, когда видел, как одна из них, сорвавшись с неба, со скоростью света несется вниз, в этот момент парень с детской наивностью всей душой верил, что его сокровенное желание рано или поздно исполнится. Сам вид ночного неба, усыпанного звездами, будил в сердце чувства и эмоции, которые трудно было описать.

Подгоняемый необходимостью идти домой, Айбек шел через поселок и, сам не сознавая, как это получилось, оказался у окна дома, где за большим столом сидели гости, а молодые парни расставляли на столе огромные блюда с вареным мясом, традиционным для больших событий у кыргызов. Стол просто ломился от вкусов и деликатесов, которые семья Айбека никогда не могла себе позволить. Тут был и чучук⁸, и казы⁹, блестящие лепешки и булочки, красивые экзотические фрукты и разные сорта рыбы. Пожилые эжешки пели песни, а мужчины, чокаясь, опрокидывали рюмку за рюмкой. Айбек глазами искал только ее, но выискивая в толпе незнакомцев милые черты, он взглядом задержался на лице ее отца и удивился, насколько покраснелось оно от выпитого, и насколько довольным он в тот миг казался. Потом его взгляд скользнул, и он увидел жениха, «ненавистного старика» – так он про себя его назвал. Тот, развалившись на большом диване, выглядел чрезвычайно довольным, раскинув руки и кивая в знак одобрения. Он напомнил ему паука, медленно ползущего по паутине к запутавшейся сочной мухе, предвкушая пир. Такая ненависть разлилась по венам молодого парня, какую он никогда в жизни не испытывал. Кулаки непроизвольно сами собой сжались так, что

⁸ Колбаса из конины.

⁹ Внутренности лошади, деликатесная еда у кыргызов, казахов.

даже захрустели костяшки пальцев. Айбек закрыл глаза и уже хотел убежать подальше от этого дома, но его остановили неожиданные слова:

– Что ты надеешься там увидеть? – услышал он тонкий насмешливый голос. Айбек резко обернулся и чуть было не сбил с ног предмет своих мечтаний. Перед ним стояла сама Каныкей с хитрой, насмешливой улыбкой на лице.

– Я... я просто, – начал заикаться он и попятился, намереваясь дать деру.

– Подожди, – сказала Каныкей, – как тебе мой будущий муж? – она заправила выбившийся локон из косынки и глазами указала на окно.

– Он, он, не знаю... – начал было Айбек, но тут из него полилось все, что он в течение всего сегодняшнего дня прятал в глубине души. – Неужели ты и правда выйдешь за него? Как может он тебе нравиться? Ты же не хочешь испортить себе жизнь! Он ведь старик, пусть даже богатый, ты же не можешь хотеть себе такого мужа. Ты его не любишь, – на одном дыхании выпалил он.

Брови Каныкей, такие густые и вздернутые, поползли вверх от такой наглой откровенности. Она рассмеялась и спросила:

– А ты предлагаешь выйти замуж за тебя? И помогать твоей матери стирать платья соседей? – она поправила свое красивое платье из атласа в полоску и сложила руки на груди. – Это платье она мне выстирала и накрахмалила. Ты думаешь, мои родители смогут отдать меня замуж за сына прачки?

– Нет, но выходить за старика, это же ужасно, – поникшим от унижения голосом сказал Айбек.

– Все лучше, чем торчать в этом вонючем селе, так и не увидев жизни, – сказала она и обвела взором окрестности. – Мне все равно за кого выходить замуж, лишь бы не сгнить здесь, – она сорвала с головы платок и взмахнула длинными волосами, – я мечтаю о большом городе, я хочу жить, как в кино: рестораны, клубы, тачки, друзья и веселье. Неужели тебе нравится торчать здесь? Неужели ты не хочешь вырваться отсюда и сбежать в мир больших возможностей, в мир страстей и тусовок? – когда она это говорила, ее глаза блестели, и никогда не была она прекрасней, чем в эту самую минуту.

– Я не могу бросить маму, – удрученно сказал Айбек, пожимая плечами, – у меня маленькие сестренки.

Каныкей звонко рассмеялась и больно хлопнула его по плечу.

– Вот я и говорю, что кишка у тебя тонка, ты не рожден для большой жизни, так и будешь таскать свою бочку по пять раз на день и пялиться на девушек. Ты будешь обычным деревенским забулдыгой! Твоя жизнь предрешена: женишься, нарожаешь кучу детей, будешь пить и валяться на сене, пася десятков овец. Ты обычный сельский мырк¹⁰ и жизнь твоя дерьмо! Уходи отсюда, иначе я крикну и скажу, что ты ко мне приставал, – сказала она, и указала ему на дверь.

– Не кричи, я уйду, – он двинулся в сторону ворот, но остановился, развернулся и решительно сказал:

– Ты ничего не знаешь, ты не можешь знать, кем и где я буду, и кишки у меня не тонкие. – с детской непосредственностью, ответил Айбек

Он быстро сморгнул непрошенные слезы и, чтобы не унижить себя еще больше, добавил:

– Я не меньше, чем ты создан для хорошей жизни, и я тебе это докажу, – в последний раз взглянув в ее широко-распахнутые красивые глаза, он устремился прочь от ее дома.

С этого момента в жизни Айбека появилась одна большая цель – стать богатым. Теперь он все время мечтал о роскошном доме с бассейном и красивой большой машине. Он даже представлял себя сидящим за рулем и чувствовал запах кожаных сидений. До этого он, конечно, представлял свою жизнь обеспеченной, но никогда всерьез не задумывался о больших деньгах,

¹⁰ Мырк – оскорбительное слово, описывающее невоспитанного, тупого, отсталого человека.

как в книгах, которые он читал или фильмах, которые смотрел. Все это казалось ему сюжетом из другого мира, другой жизни, в которую ему никогда не попасть. Книги Фицджеральда и голливудские сказки о деньгах – лишь только яркие картинки в юном воображении Айбека. Но теперь он захотел этой жизни, захотел денег, вечеринок, красивых девушек, спортивных машин и путешествий.

Пока он бежал к дому, злясь на себя, чувствуя себя униженным и вытирая предательские слезы, у него в голове рождался план, как стать богатым. Что мог обычный сельский парень, который живет в глуши далеко от столицы? Он видел только один путь заработать большие деньги.

В ауле была семья, уважаемые люди, благодаря своему богатству и немаленькому хозяйству. Жили они в большом, занимающим второе место по своим размерам после дома Каныкей, добротном доме с мансардой и небольшим балкончиком, на котором вечерами глава семейства сидел с пиалой чая, любуясь закатом. Старшие сыновья работали за границей и раз в месяц присылали деньги своим родным, они частенько отправляли свои фотографии с улыбающимися лицами на фоне красивых мест, и отец с гордостью показывал их всем соседям, рассказывая о радостях жизни своих детей. Отец семейства Нишан, так его звали, был человеком грамотным и образованным. Он выучился в Москве, потом работал в столице, но к старости решил уехать от суеты и вернулся на свою малую родину. У него, как у человека ученого, была большая библиотека с разнообразием книг и журналов. Именно у него Айбек часто брал разные книги и проглатывал их залпом, подолгу осмысливая каждый сюжет и переживая каждую историю, как свою собственную. Как-то после тяжелого дня работы (он целый день собирал сено для скота, а потом рубил дрова для печи) Айбек зашел в дом соседа, чтобы отдать книгу, которую брал пару недель назад, и заодно обратился с вопросом к хозяину дома.

– Нишан-байке¹¹, как вы отправили детей за границу? – без предисловий начал он.

– Легко, – ответил тот, жестом приглашая Айбека присесть и протягивая ему вазочку с барбарисками. – У меня друг работает в городе в фирме, которая отправляет наших на заработки.

– А можно обратиться к вашему другу? – спросил Айбек, скрестив пальцы.

– Конечно, – ответил тот, с прищуром глядя на парня, – только это денег стоит, у тебя столько нет.

– Я заработаю! Я поеду в город, поработаю на базаре и заработаю, – с воодушевлением сказал Айбек, – вы только скажите своему другу, чтобы он поискал мне работу пока. Я обязательно добуду денег. – Он уже было вскочил, намереваясь выйти, но его окликнул Нишан.

– Айбек, – сказал он, глядя на него немигающим взглядом, – ты хороший парень, может, не будешь оставлять мать? Здесь тоже можно зарабатывать. Зачем тебе за граница, там нечего делать, можешь мне поверить, уж я-то знаю.

– Можно, но столько заработать не получится, – ответил он.

– Столько – это сколько? На что тебе нужны деньги?

Айбек не хотел рассказывать истинную причину своего желания заработать, и уже было хотел вежливо уйти, но отсутствие в его жизни мужского внимания и отцовской поддержки заставили его остаться. Очень сильным было желание получить настоящий совет взрослого мужчины, наставление или просто одобрение. Он набрал в грудь воздух и сказал.

– Я хочу быть богатым, ездить на крутой машине, жить в шикарном доме с бассейном и жениться на любой, на какой захочу.

Нишан долго смотрел на него, ничего не говорил и не улыбался, потом тяжело вздохнул и сказал:

¹¹ Байке – уважительное обращение, приставка к имени взрослого человека.

– Понимаю, все этого хотят, но на тебе мать и две сестры, ты единственный мужчина в доме, жениться сейчас слишком рано, и ты сам еще не готов к семейной жизни. Ты можешь выучиться и работать по специальности, зарабатывать хорошие деньги, а потом с божьей помощью и женишься. Ты подумай, я тебя не отговариваю, просто советую хорошенько все обдумать, – он встал и, приобняв парня за плечи, проводил до порога.

– Я не передумаю, Нишан-байке, помогите мне уехать, а я в долгу не останусь, – уверенно сказал Айбек.

– Хорошо, – пожал плечами тот, – если ты решил, то так тому и быть, ты сам принимаешь решение и несешь ответственность за свою жизнь. – Мужчина проводил парня немигающим взглядом и с глубоким вздохом вернулся в дом.

В город из села ездила только одна маршрутка и то один раз в две недели поздним вечером. Решив для себя уехать в город и взяв координаты фирмы, в которой работал друг Нишана-байке, Айбек стал подрабатывать у соседей в тайне от матери, чтобы собрать денег на дорогу. Он колот дрова и косил сено, пас овец и резал баранов, получая за это гроши. На его желание уехать в город мать отреагировала очень плохо, она устроила ему сильную взбучку за его глупые мечты и категорически запретила даже думать о поездке, вместо этого приказала готовиться к поступлению в вуз и больше на эту тему даже не захотела говорить. Упрямство юности порой приводит нас к большим проблемам во взрослой жизни. Поэтому мы так часто мечтаем вернуться во времена своего становления и исправить все ошибки, совершенные нами по глупости. Айбек не стал спорить с матерью и не стал больше говорить об этом, но продолжал зарабатывать, стараясь не попасться. Пока он усердно трудился, по деревне разлетелась новость о свадьбе Каныкей. Жених должен был приехать за невестой и, проведя той¹² для местной родни и соседей, увезти Каныкей в город, где будет проведена еще одна свадьба, но теперь только для городских друзей и коллег.

В день, когда вся деревня стояла на ушах, и все готовились к празднику, Айбек старательно убирал сарай соседа-пастуха, который посулил ему за эту работу целых двадцать сом. Парень старался не думать о Каныкей и, собрав всю волю в кулак, поборол желание побегать и хотя бы краешком глаза подглядеть, как будут забирать красавицу. Только когда он управился со своей работой, немного отдохнул и выпил стакан молока, предложенного женой пастуха, он, собравшись с силами, отправился знакомой дорогой к дому любимой. Вся улица была украшена яркими шариками и лентами. Самые уважаемые жители в нарядных пиджаках и платьях собрались возле ворот дома главы сельской управы. Мамы Айбека в числе приглашенных не было, поэтому парень украдкой прошмыгнул к большому дереву, растущему напротив дома, легко вскарабкался на верхушку и уселся на самую толстую ветку, выбрав самый лучший вид на все происходящее внизу. По округе разносился аромат свежесваренного шорпо¹³ и горячих боорсоков¹⁴, из дома Каныкей то и дело выбегали молодые келинки¹⁵, нагруженные тарелками с разнообразными сладостями и салатами. Хозяйева дома накрыли большие столы во дворе, а многочисленные помощники расставляли посуду и приборы для уважаемых гостей. Свадебные традиции кыргызов отличались богатым застольем и многодневными хождениями по родственникам. Конечно, обязательным атрибутом был и калым, который давали за невесту, и в зависимости от состояния невесты и жениха он мог быть как чисто номинальным, так и достигать целого состояния. Традиционно родители девочек брали калым с жениха скотом, продуктами либо драгоценностями. Если жених сватался к богатой невесте и не мог дать запрашиваемое, то родители были вправе не отдать за соискателя свою дочь. В древние времена часто

¹² Дословный перевод – праздник, большое застолье

¹³ Наваристый бульон, обычно из свежей баранины

¹⁴ Сдобная выпечка, традиционная на праздниках

¹⁵ Невестки традиционно помогают по хозяйству, проявляя уважение и почтение к родителям мужа

случалось, что молодые люди только ради того, чтобы жениться, уходили на войну, или находили не менее рискованные способы, чтобы заработать денег. В случае Каныкей сомнений не было, что богач из города даст ее родителям солидный откуп еще и потому, что отец девушки тоже был не последним человеком на местном уровне.

Айбек с горечью смотрел на все приготовления. Он прекрасно понимал, что изменить хоть что-либо было не в его власти, но от осознания своей беспомощности и ничтожества ему становилось плохо. Он понимал, что это последний раз, когда он видит свою любимую такой, какой он ее знает, в следующий раз, когда они встретятся, она уже будет замужней женщиной. Конечно, в своих фантазиях он видел ее еще красивей, он знал, что городская жизнь обязательно оставит свой след на всем облике Каныкей. А это означало, что сейчас единственный момент, чтобы насладиться ее красотой и невинностью в последний раз. Он искал глазами то самое окно их дома, в котором, как он думал, тетушки, как куры кудахтали над ней, одевая в красивое платье и укладывая ее божественные волосы в прическу. Гости приехали поздно, и вечер начался с наступлением сумерек. Жених привез с собой всю свою семью, и они заехали в село на семи машинах под громкие сигналы клаксонов и звуки музыки, доносившейся из окон авто. Родственники и соседи Каныкей встречали их у входа в дом, церемонно провожая гостей внутрь. Горожане отличались от местных своим поведением и видом, они были одеты в современную одежду, некоторые женщины были в брюках и не носили платков. Более молодые с отвращением осматривались по сторонам, закрывая носы и шушукаясь между собой, рассматривали соседских эжешек, которые на их фоне выглядели смешно и бедно. Односельчане тоже во все глаза рассматривали приезжих, в глазах самых знаменитых сплетниц аула читались осуждение и злость, когда они пристально разглядывали женщин, одетых в брюки. Конечно, жители поселка не были дикарями и знали, что женщины давно носят и джинсы, и брюки, но себе они такого никогда не позволяли. Считалось, что женщина всегда должна носить только женскую одежду, которая прикрывает колени, а еще лучше – лодыжки. Ношение платка было не обязательным, но также говорило о целомудрии и порядочности замужней женщины. Городские дамы были аккуратно причесаны или носили короткие стрижки, что также вызвало у местных повышенный интерес.

Вся толпа вместе с гостями и приглашенными соседями вошла во двор и стала усаживаться за накрытые столы. Началось застолье. В мусульманских семьях спиртное было запрещено, но семья Каныкей религиозной не была, поэтому на столах стояли водка и вино. Через час обжорства и возлияний гости стали более раскрепощенными и послышались звуки песен и громкий смех. Приглашенный баянист стал неистово играть на своем допотопном баяне и громко подпевать самому себе. Самые смелые и пьяные выдвинулись танцевать, а молодежь пошла бродить по окрестностям. Полчаса такого перерыва, и настал момент, когда должны были вывести невесту. Сердце Айбека замерло, он схватился за ветку со всей силой, на которую был способен, и от напряжения у него покраснели глаза и онемели конечности. Он ждал этого момента и терпеливо слушал все доносившиеся до него разговоры и шутки. Стемнело, и вокруг зажглись лампы, специально установленные для сегодняшнего вечера, и двор, и весь дом Каныкей засветились красивым желтым цветом. На втором этаже распахнулись занавески, и Айбек увидел красивое лицо своей возлюбленной, которая полностью одетая и собранная стояла у окна, мгновение и их глаза встретились. От страха, что его обнаружили, Айбек резко отпрянул назад, зацепившись ногой за торчащий сук. Из раны пошла кровь, капая вниз на землю, но у парня не было сил оторвать взгляд от красавицы Каныкей, и он остался на дереве, наблюдая, как девушка, кривя губы, отвернулась от окна и пошла вниз к супругу и новым родственникам.

Она была прекрасна, украшенное национальными атрибутами простое белое платье сидело на ней, как на царице. Ее руки были увешаны серебряными браслетами, а с мочек ушей свисали красивейшие длинные серьги с кораллами. Волосы ей собрали и вплели в них кра-

сивые национальные цепи из серебра, которые переливались в свете фонарей. Она появилась перед гостями во всем своем великолепии, и это был ее звездный час! Всеобщие возгласы и восхищение можно было потрогать руками, настолько плотными и сильными они были. Айбек смотрел, как она, опустив голову, не смея поднять глаз, садится на краешек стула в центре стола, и как огромная рука ее новоиспеченного мужа накрывает ее тонкую ладонь. От его прикосновения она вздрогнула и краем глаза посмотрела на супруга, он же в ответ не удостоил ее своим вниманием, а только по-хозяйски держал за руку, словно нашкодившего щенка.

Все. Дальше пялиться на весь этот спектакль у Айбека не было сил. Он аккуратно слез с дерева и, хромая, нога страшно саднила, отправился домой, не задерживаясь нигде, и не обращая внимания на царившую вокруг атмосферу веселья и праздника. Парень знал, что завтра его ждет очередной день тяжелой работы, и так некстати раненная нога беспокоила его на этот момент больше, чем что-либо другое. Он не позволял мыслям подбираться к запретной отныне для него Каныкей и с мужественностью, которой позавидовал бы даже самый сильный тридцатилетний мужчина, сдерживал себя изо всех сил.

Айбек уже все для себя решил и ничто не заставило бы его отказаться от своих планов. Ни красавица любимая, ни упрямство матери не смогли бы сломить его решимость! Даже несмотря на риск разочаровать и причинить сильную боль любимой маме, прекрасно помня историю своего отца, который бросил их, уехал в город и даже ни разу не спросил, как они живут, он все же поступит так, как хочет. Он был уверен, что в конечном итоге мама его простит, потому что он вернется богачом.

Наконец наступил тот день, когда парень насчитал достаточное количество денег на первое время и на дорогу. Он написал маме душевную записку, в которой обещал вернуться победителем и попросил прощения за то, что ослушался. Дождавшись темноты, когда все домашние уснут и село погрузится в ночную тишину, он тихо взял заранее приготовленный мешочек с запасной одеждой и отправился покорять мир.

Так сельский медалист–отличник оказался в столице на местном рынке. Ошский базар славился на весь Кыргызстан своими размерами и большим разнообразием работы для всех желающих. Со всех регионов республики на этот базар стекались молодые и не очень люди, желающие заработать и обосноваться в столице. Те, у кого в городе были родственники, напрямую ехали к ним, и с их помощью устраивались на места с хорошей зарплатой, а тот, кто знакомых в столице не имел, вынужден был начинать свой путь с базаров и рынков. У Айбека не было родственников в городе, у него вообще никого не было кроме мамы и сестренки, своего отца он в расчет не брал, и поэтому мысль обратиться к нему, даже не пришла ему в голову. Как только он вышел на автовокзале и огляделся по сторонам, он испытал странное чувство одиночества и собственного ничтожества. Все вокруг шумело и кричало, все куда-то спешили и были безразличны к одинокому парню с китайским пакетом в руках. Не позволяя себе бояться и не пуская в душу сожаление, он напрямик отправился на базар, и уже в тот же день ему удалось заработать свои первые деньги. Жители Бишкека по старой привычке и по восточным традициям все еще ходили на рынки, с удовольствием торгуясь и выбирая нужное из огромного разнообразия товаров. Поэтому на базаре всегда былолюдно, и всегда была нужна пара сильных мужских рук.

Он от зари до зари таскал тяжести и разгружал грузовики, выполнял поручения и соглашался на любую работу, за которую платили. Каждую заработанную монету он откладывал в свой потайной мешочек и жил, отказывая себе даже в самых маленьких удовольствиях. Он знал, что рано или поздно у него будет все, о чем он мечтает, но пока он должен усердно трудиться.

Время шло, и слякотная зима постепенно начала сдавать свои позиции. Весна в Бишкек приходила значительно позже, чем в его родной деревне, и из-за слякоти и ветра парню часто приходилось страдать от боли в горле и насморка. Работая с температурой и трясясь

от озноба, Айбек вспоминал свою деревню, где он мог уже в самом начале марта бегать по холмам и греться на солнышке, срывая ярко-желтые одуванчики. Пока весь мир еще спал под толстым одеялом снега, эти солнечные цветы уже радовали глаз мальчугана. Айбек с тоской думал о родном крае и, глядя на всепоглощающую серость, окружавшую его в столице, душой он мысленно летел в родные края. В мечтах он представлял теплое весеннее солнце и легкий горный ветерок, ласково обдувающий его челку. В то время в Айбеке проснулась огромная любовь к родной деревне, только теперь, когда у него было с чем сравнить, он увидел разницу между их незамысловатой, но правильной жизнью и равнодушием большого города, где каждый человек был друг другу, если не врагом, то уж точно не другом. В городе он столкнулся с поразившим его безразличием горожан к бедам и неприятностям других людей. У себя дома, в случае возникновения сложной ситуации или неожиданного горя, вся деревня дружно собиралась и оказывала посильную помощь нуждающимся. Здесь, как заметил Айбек, даже друзья порой оставались равнодушными к бедам приятелей. За этот год парень многое узнал и понял. Чем больше он узнавал мир, тем сильнее начинал ценить искренность и доброту, честность и уважение, так прославляемые в его любимых книгах.

Если ему случалось работать на богатеньких покупателей, таская доверху груженую тачку купленными ими продуктами, он нередко чувствовал себя униженным. Он старался быть приятным для клиентов и дружелюбно улыбался, но бездушные горожане зачастую просто проходили мимо, нередко встречались и такие, которые откровенно выражали свое недовольство, всем своим видом выказывая пренебрежение и отвращение.

Все его старания понравиться и проявить доброту были напрасны, потому что в городе Айбек столкнулся с еще одним неприятным явлением, которое больно задевало его. В Кыргызстане часто встречается ненависть по региональному происхождению. Айбек приехал с южного региона и очень часто сталкивался с откровенным хамством по отношению к себе со стороны представителей северных регионов страны. В обществе гуляло мнение о хитрости и коварстве всех южан, но сам Айбек никогда не понимал и не видел большой разницы между собой и остальными. Он всех считал кыргызами и еще долго не мог понять, за что его ненавидят. Его коллеги, молодые ребята с базара, делились на кучки и никогда друг с другом не соприкасались. Южане жили и работали в одной части рынка, северяне в другой. Пару раз парню пришлось столкнуться с враждебно настроенными клиентами, которые, прежде чем взять его на работу, спрашивали из какого он региона и, услышав название села, грубо отталкивали, не желая нанимать. Что бы ни послужило причиной подобного разделения, Айбек так никогда и не смог понять, почему одна нация, люди с одним прошлым, ненавидят друг друга из-за места рождения. Даже несмотря на то, что Кыргызстан – маленькая страна, но даже здесь существует множество разногласий и противоречий между различными регионами. Южная часть страны приближена к Узбекистану, от этого остальные считали жителей этого региона больше узбеками, нежели кыргызами. Северная часть тоже делилась между собой, здесь различали Нарынскую область, соседствующую с Китаем, Иссык-Кульскую и Таласскую, близкие к Казахстану. Даже языку были свойственны региональные особенности, поэтому южанина можно было легко отличить от таласца, а чуйского не перепутать с представителем Нарына. Все эти разногласия между людьми одной нации Айбек считал глупостью, поэтому на вопрос «откуда ты?» всегда отвечал: «Из гордого Кыргызстана», стараясь пресечь попытку вызвать в нем ненависть к кыргызам из других регионов, ведь он упрямо считал всех родными братьями.

В работе без сна и отдыха незаметно для самого Айбека прошел год. Иногда в редкие минуты свободы он прогуливался по городу, заглядывая в яркие витрины магазинов, или рассматривая сидящих в дорогих ресторанах людей. Подсознательно он желал увидеть Каныкей, весело смеющуюся, в окружении большого количества друзей. Но понимал, что в таком большом городе встретить ее шансов нет.

Как и многие, кто работает на базарах, Айбек жил в большом сарае, который вмещал в себя до тридцати человек. Все парни, с которыми он жил, с радостью брались за любую работу, но чаще всего таскали тяжело груженные тачки по всему базару, получая за это небольшие деньги, которые тут же пропивали или проедали. Многие ребята не выдерживали и уезжали домой в родные села, кого-то портил город, и они начинали много пить, постепенно становясь либо наркоманами, либо алкоголиками. Айбек так и не завел себе друзей, к нему все относились как к белой вороне, но уважали за трудолюбие и целеустремленность. Он был одним из тех немногих, которые не отдыхали, давая себе на сон только несколько часов. Айбек знал, чего хочет, поэтому шел к своей цели, не размениваясь на мелкие удовольствия.

Наконец, в один из самых прекрасных дней в его жизни, как он сам тогда думал, он насчитал у себя ту самую сумму, необходимую для осуществления его мечты. Он собрал свои вещи, уложил все в небольшой пластиковый пакет и отправился на фирму к знакомому Нишанабайке. Мужчина ему не понравился, потому что уж больно высокомерно и с явным пренебрежением говорил с Айбеком. На вид ему можно было дать лет сорок или чуть больше, он был невысокого роста, с узкими хитрыми глазками и козлиной бородкой. Мужчина был верующим, носил топушку¹⁶ и четки в руках. Он встретил Айбека в небольшом офисе, сплошь увешанном плакатами с красивыми видами и фотографиями с разных стран мира.

– Нишан говорил мне, что ты хочешь работать? – спросил он, не отрывая взгляда от бумаг.

– Да, я собрал нужную сумму и могу ехать.

– Хорошо, но сначала надо подготовить все бумаги. Тебе есть, где жить?

– Нет, я жил на базаре, – честно ответил парень.

– Порешаем тогда, – сказал мужчина и в первый раз посмотрел Айбеку прямо в глаза.

Заполнив все необходимые документы и отдав все заработанное на какие-то сборы, Айбек и еще трое молодых парней оказались в небольшом доме рядом с аэропортом «Манас», где они должны были дожидаться дня, когда полетят в большой мир. Дом этот стоял далеко от трассы, он был окружен со всех сторон камышом, который завывал по ночам, навевая тоску и грусть. Парни держались особняком и почти не разговаривали с Айбеком, обращаясь к нему только по необходимости. Пока ребята были в этом доме, их просили помочь по хозяйству, они чистили бараньи шкуры, сушили их, а потом стригли и пачками грузили в грузовики. Денег за это не платили, но зато кормили и выделили комнату с кроватями. Так прошел месяц, но ребята не возмущались, им обещали, что вот-вот они вылетят, только надо оформить еще кое-какие документы.

Все-таки этот день настал, и парни сидели в кресле большого самолета. Стюардессы с зализанными волосами приторно-ласково улыбались, переполненные глубоким омерзением и ненавистью. Айбек не хотел думать о плохом, он старался ничего не замечать, и чтобы не расстраиваться, закрыл глаза и стал представлять картинку счастливого будущего. Он знал, что летит навстречу своей мечте и вот-вот жизнь одарит его всеми благами, осыпая, словно из рога изобилия. Аэропорт и самолеты, которые он видел за окном иллюминатора, произвели на него сильное впечатление. Парень послушно пристегнулся и с волнением стал ждать взлета. Наконец взлетели, и сквозь толстое стекло он попрощался с родиной, мысленно обещая вернуться богатым. Весь полет он фантазировал, представляя, как едет на огромном джипе с открытыми окнами, из которых гремит иностранная музыка, заглушая уличный шум. Представил, как победоносно вернется домой через пару лет с большим чемоданом денег, вытащит ключи от нового дома и подарит их матери. Посадит всех в машину и увезет в светлое будущее. Айбек не вставал с места на протяжении всего пути, не вызывал стюардессу и не просил попить, он просто мечтал и предвкушал свою новую жизнь. Даже завораживающий вид из иллюминатора

¹⁶ Головной убор, надеваемый для совершения намаза

не смог вырвать его из картин великого завтра. Самолет приземлился в аэропорту Москвы, и у парней оставалось только сорок минут на то, чтобы добежать до своего терминала и сесть в другой самолет, который доставит их до места назначения.

Чехия

– Вот оно, – подумал Айбек, выходя из здания аэропорта. Он вдохнул полной грудью, пытаясь вместить в себя, как можно больше, чужестранного кислорода. – С этого места начинается мое триумфальное восхождение.

Все вокруг казалось ему блестящим и великолепным. Он рассматривал людей, считая их счастливыми, потому что родились в таком красивом городе. Айбеку казалось, что люди, которые живут в Европе, счастливые уже только потому, что там родились и живут.

Ребят встретил в аэропорту угрюмый мужчина небольшого роста с изрядным брюшком, слегка напоминающий дикого кабана. У него торчали нижние клыки, слегка выступая за губу, а от одежды исходил неприятный запах застарелого пота. Мужчина первым делом забрал у них паспорта и сложил их в свою небольшую борсетку. Он жестом указал им на машину, в которую они дружно вскарабкались, а сам сел за руль. Ребята именно вскарабкались, потому что машина была грязным фермерским пикапом для перевозки скота. По бокам всюду были следы засохшей крови и куски тухлого мяса, на полу была постелена пленка, явно не первой свежести, она как бы защищала ноги от густой вонючей жижи на дне кузова. Не обращая внимания на запах и бардак, окружавший их, они с любопытством и доверием осматривались по сторонам, восторгаясь потоками машин и красивыми зданиями. Вот они едут по большому и длинному мосту, а вот уже проезжают по маленькой улочке, сплошь усыпанной мини-магазинчиками с нарядными витринами. Они пересекли реку и вчетвером высунулись за бортик, чтобы, как можно лучше, рассмотреть паромы и корабли, стоящие на реке. Из одного длинного-предлинного парома в три яруса на всю округу громыхала музыка, люди на нем танцевали и что-то громко кричали, чокаясь бокалами и не переставая двигаться.

– Вот это жизнь, – подумал Айбек, глядя на веселых людей и красивый паром.

Дальше их путь лежал через большие зеленые поля и пастбища, которые яркими красками переливались в закатном солнце. Одинокие коровы, как в мультиках, мычали вдалеке, следуя к своим загонам. Вокруг стоял приятный запах трав и копченостей, перебиваемый вонью пикапа, в котором они ехали.

До места они добрались уже поздней ночью, и понять, где именно они очутились, было невозможно. Все вокруг окутала непроглядная мгла, только несколько фонарей освещали им путь. Машина заехала в ворота и остановилась возле здания, рассмотреть которое не представлялось возможным. Все, что удалось увидеть, это только темные очертания построек и мрачный силуэт двухэтажного дома. Судя по запаху и звукам, их привезли на какую-то ферму, но экскурсию, видимо, для них устраивать не собирались, а только грубовато велели идти за мужиком. Ребят небрежно затолкали в сарай с сеном, вручили хлеб, воду и небольшую миску с какой-то бурдой, похожей на рагу. Потом угрюмый мужичок запер их снаружи на большущую балку и ушел, напевая себе под нос странную мелодию.

Именно в этот миг Айбек впервые ощутил тоску в душе. Его сковал страх, захотелось снова оказаться дома, увидеть маму и обнять сестренку. Он заставил себя успокоиться. Завтра все покажется другим, встанет солнце и с ним вернутся все надежды и перспективы. Успокаивая себя этими мыслями, он понемногу пришел в себя и включился в беседу с тремя соотечественниками, которые обсуждали события сегодняшнего дня и особенно вечера.

Это были простые парни, как и он приехавшие за лучшей жизнью, Кубан, Алмаз и Турат, кто-то был на пару лет старше, кто-то моложе, но разница особо не ощущалась, поэтому они быстро нашли общий язык между собой.

– Почему он нас запер? – спросил Кубан, самый старший из всех.

– Да я тоже хотел бы об этом спросить, мы же не воры, неужели они нам настолько не доверяют? – поддержал Алмаз.

– Что это за бурда? – спросил самый упитанный из ребят, которого звали Турат, он мешал ложкой жижу в миске.

– Пахнет ужасно, – добавил Кубан. – Это внутренности, по-моему. – Он тоже стал ковырять ложкой в вареве и с отвращением вытащил кусок кишки. – Они хотят, чтобы мы это ели?

– А мы же едим кишки, – хотел пошутить Айбек, вспомнив вкусные домашние деликатесы, но замолчал под грозным взглядом друзей. – Шучу.

– Давайте поделим хлеб и ляжем, как есть, завтра разберемся, что к чему, – Кубан взял на себя роль вожака, а Айбек не стал против этого возражать. Он с радостью принял кусок хлеба и, проглотив его почти целиком, устроился на сеновале, накрывшись своей легкой ветровкой с надписью Mike.

Этой ночью ему снилась река, он стоял на берегу и издалека видел огромного размера волну, которая приближалась к нему, сметая все на своем пути, закрывая собой весь небосвод. Волна обрушилась на берег, вынося бесчисленное количество рыбы разных видов и размеров. Говорят, волны и рыба снятся к каким-то серьезным событиям, поэтому, проснувшись, Айбек огляделся и с облегчением вздохнул, поняв, что страшная волна это лишь сон. Часто моргая и потирая глаза, Айбек пытался сообразить, где он находится. Затем вспомнив, что он наконец-то добрался до места, где осуществится его заветная мечта, на сердце сразу стало легко и светло. Его душа наполнилась радостными перспективами и надеждами, и все вокруг показалось таким же солнечным и радужным.

Очевидно, у его напарников тоже были подобные ощущения, потому что после пробуждения они с блаженными лицами осматривались вокруг. Дверь сарая распахнулась, и вошел вчерашний фермер с угрюмым лицом. Он помахал им рукой, приглашая пойти за ним. Он был все в той же одежде, и его лицо, как и вчера, было угрюмым, казалось, что он чем-то недоволен. Когда они очутились на улице, были немало удивлены, увидев, где они оказались. Перед взором простиралось бескрайнее поле, усеянное высокими растениями. По краю стояло множество сооружений, из которых доносились звуки, которые обычно издают домашние животные. Все хозяйство, вероятно, занимало свыше двадцати гектаров, но сказать точно было невозможно, потому что поле уходило далеко за линию горизонта, и человеческим взглядом было трудно определить, где оно заканчивается. Возле сарая, где они провели ночь, стояли огромные ворота, а граница обнесена мелкой колючей проволокой. На самом въезде стоял большой деревянный двухэтажный дом с красной черепицей, в нем, видимо, и жил угрюмый мужчина. Пока они осматривались, фермер направился в сторону большого стола, на котором стояли молоко, хлеб и большой круг желтого масла. Ребята, чувствуя себя не совсем комфортно, робели, не зная, можно ли им сесть за стол. Но оклик фермера и жест, указывающий на стол, разрешили их сомнения, и они с радостью уселись и принялись за завтрак. Боковым зрением Айбек заметил какое-то движение возле большого ангара, а, приглядевшись, рассмотрел нескольких мужчин, тянувших за собой визжащую свинью. От этих звуков аппетит куда-то улетучился, он собрался было встать, но фермер звучно стукнул кружкой по столу, громко крича непонятные слова и указывая ему на место. Он ругался и жестами показывал на хлеб, как бы говоря, что он должен есть еще. Эта странная забота показалась Айбеку излишней, но он подчинился, снова сел и взял кусок хлеба, не отводя глаз от разгневанного лица фермера.

– Что это с ним? – шепотом спросил Кубан, также со страхом поглядывая на разъяренного мужика.

– Не знаю, – пожал плечами Айбек, через силу запихивая в рот кусок хлеба. – Что там за люди тащили свинью? Ты видел? – спросил он так же шепотом.

Кубан не успел ответить, как фермер снова разбушевался, он отшвырнул деревянную кружку с молоком, которое расплескалось по полу, оставляя белые пятна на гравии.

– Drž hubu idiote! Zde není resort, jezte a začněte pracovat. (Закрой рот, идиот, здесь тебе не курорт, жрите и начинайте работать), – выплюнул им в лицо фермер и встал, направляясь в сторону свинарника.

Напуганные и растерянные ребята смотрели на него во все глаза, они не поняли ни слова из того, что он только что сказал, кроме слова идиот. Сделав для себя вывод, что мужик обо-звал их идиотами, они совсем растерялись, молча переглядывались и каждый думал про себя, что здесь что-то не так, здесь должна быть какая-то ошибка. Страшась разговаривать и шевелиться, они сидели в тишине, ожидая какого-нибудь продолжения, или, может быть, объяснений. Спустя несколько минут напряженного молчания, ребята заметили приближающегося к ним работника, того, который недавно тащил визжащую свинью. Мужчина подошел к столу, он был невысокого роста, с коротко остриженными волосами и очень мускулистым торсом. Все его лицо было испещрено шрамами и болячками. Создавалось впечатление, что мужчина чем-то болен, но его поведение и активность явно этому противоречили. Он сел за стол, грязными руками схватил кусок хлеба, надкусил и стал рассматривать каждого из приятелей. Друзья ждали, во все глаза разглядывая мужчину, наблюдая за каждым его движением и выражением лица. Наконец тот дожевал хлеб и, вздохнув, сказал:

– Я – Богдан, живу здесь уже десять лет. Если вы еще не поняли, где вы находитесь, то я вам объясню.

Друзья переглянулись и молча слушали дальше. Айбек понимал по-русски и кивнул в знак согласия.

– Это ферма, здесь мы выращиваем и убиваем свиней и кур, сеем и убираем злаки. Это место станет вашим домом на всю вашу недолгую жизнь. Немногие выдерживают такие нагрузки, а если и выдержат, то либо будут убиты, либо умрут от болезни или глистов, – сказав это, он отпил молока и вытер тыльной стороной ладони рот.

Айбек не сводил глаз с мужчины, пытаясь понять, шутит он или нет. В его сознании постепенно складывалась картина и чем дальше, тем страшнее становилось, и тем больше хотелось надеяться, что мужик просто шутит.

– Вы же так шутите, правда? – спросил он дрожащим голосом.

– Разве? – усмехнулся Богдан. – Ну попробуй, выйди за ворота, я посмотрю, как тебе это удастся. Вы должны понять, что вы в рабстве! С вами никто не будет сюсюкаться, и никто не придет к вам на помощь, вы теперь собственность господина Якуба. Только он имеет право указывать вам, что делать, и только он решает, жить вам или нет.

– Но мы заплатили за эту работу, – сказал Айбек с ужасом. – Мы заплатили за возможность работать и зарабатывать деньги. Они нам зарплату должны платить, – с надеждой в голосе сказал он. Он не мог поверить в то, что говорил Богдан.

Богдан громко рассмеялся, обхватил голову руками и стал покачиваться на лавочке, он долго не мог успокоиться и, заикаясь, сказал:

– Зарплату? Ты вообще понимаешь, о чем я говорю? Ты в рабстве. Тебе не то, что зарплату, тебе жрать нормально давать не будут.

Парни смотрели то на Айбека то на Богдана, но не могли понять ни слова. Только пухленький Турат, немного понимающий русский язык, смог разобраться, о чем именно толкуют эти двое, и это ужаснуло его. Он тихо стал переводить смысл слов Богдана, на что парни нервно соскочили со своих мест.

– Эй, куда? – рявкнул Богдан, испуганно оглядываясь по сторонам. – Быстро сели на место, если шеф увидит, он меня накажет.

Айбек передал парням слова Богдана, но они не собирались его слушать и продолжали стоять, гневно глядя на мужчину.

– Он говорит, что мы в рабстве, – сказал Айбек. – Они могут нас убить, если мы не будем слушаться. Сядьте, а то хозяин разозлится на нас.

– Я не собираюсь сидеть и слушать этот бред! – крикнул Кубан и направился в сторону высоких ворот.

– Подожди, – крикнул ему вслед Айбек, но тот уже был почти у выхода, и все подумали, что сейчас он благополучно выйдет за ворота. Он не дошел всего пару шагов до цели, как всю округу сотряс громopodobный выстрел, и Кубан, вскрикнув, замертво упал на землю.

Ужас, кромешный ужас охватил всех троих соотечественников, никто из них не мог ни пошевелиться, ни сказать хоть что-то. Айбеку казалось, что его горло сдавил тугой узел, еще секунду и он упадет без чувств, подобно тому, как это произошло с Кубаном минуту назад. Все дальнейшее проносилось перед его глазами, как быстрая перемотка фильма, все вокруг задвигалось, закружилось. Раздавались отдаленные голоса и крики, он смотрел на происходящее и не мог в него поверить: какие-то люди тащили бездыханное тело в сарай, его самого кто-то больно стукнул палкой и погнал в сторону свинарника. Только спустя некоторое время, сидя на полу среди вонючих свиней, ребята смогли полностью осознать события последних часов. Их заперли, и они, каждый по-своему, осознавали ситуацию, в которой оказались. Айбек все же одним из первых пришел в себя, он заставил себя вынырнуть из своих страхов и ужаса, осмотреться и обдумать дальнейшие свои действия. Было очевидно, что их обманули, что они попались в сети к работоторговцам, и теперь у них только один выход – сделать все, чтобы сбежать. В эту минуту он ненавидел всех, в первую очередь себя самого. Он проклинал ту минуту, когда решил уехать из родного дома, проклинал соседа Нишана и красавицу Каныкей. Он не мог поверить в то, что добропорядочный сосед, такой внимательный старик, был способен на такую подлость! Что плохого он ему сделал? За что Нишан так жестоко с ним обошелся? Айбеку было страшно и, в тоже время, в нем просыпалась мужская натура. Она будто тихо шептала: «Соберись! Приди в себя, сейчас не время для жалости к себе. Ты сейчас возьмешь себя в руки, соберешься с мыслями и разработаешь план побега, – твердила она. – План должен быть долгосрочный, ты должен усыпить бдительность и показать, что смирился со своей судьбой, все это для того, чтобы сохранить себе жизнь. Ты будешь улыбаться и покорно выполнять любую грязную работу, это станет просто очередным испытанием на пути к твоей мечте». Эти мысли вселили в него маленькое зернышко надежды, пусть оно было маленькое, но все же это была надежда. Подойдя к ребятам, которые сидели, обхватив головы, он встряхнул их за плечи и сказал:

– Соберитесь, будьте мужчинами. Нам надо выжить, а если они хотят, чтобы мы работали, мы будем работать. Со временем мы придумаем, как отсюда сбежать, но сейчас надо показать, что мы все поняли, и не будем сопротивляться. Вы меня слышите?

Хуже всех, вероятно, было пухленькому Турату, его лицо, покрасневшее от слез, отекло, а глаза нервно бегали из угла в угол. Алмаз же, услышав слова Айбека, будто пришел в себя и механически стал кивать в ответ.

– Надо показать им, что мы успокоились и не боимся, – сказал Айбек, подошел к дверям и несколько раз пнул по воротам.

Послышался хруст гравия и ворота отворились, ослепив на секунду всех троих молодцев. Перед ними стоял Богдан, из его рта торчала зубочистка и он, усмехаясь, глядел на ребят.

– Ну что? Смирились со своей дерьмовой судьбой? Готовы принять все, как неизбежность, и начать пахать? Или так и будем убежать идохнуть? Мне не очень хочется, если честно, потом возиться с вашими трупами, – говорил он, глядя, как ребята по одному выходят на улицу.

– Готовы, – ответил Айбек и добавил, – куда нам идти и что делать?

– Идем за мной, шеф приказал, чтобы это сделали именно вы, – сказал он и повел ребят за собой в одно из многочисленных строений по краю поля.

– Вот ваша работа, – указал Богдан на труп Кубана. Они стояли посреди огромной комнаты, расположенной в одном из сараев, полностью отделанной белым кафелем. Посреди стоял гигантских размеров металлический стол, а по бокам две большие грязные ванны. Тело Кубана лежало посреди стола, а вокруг на полу валялись тряпочные мешки с мотком веревки.

– Вы должны его разделать, – будничным тоном сказал Богдан. – Кости и голову сложите в мешки, остальное порубить на мелкие кусочки и кинуть в ванну. Понятно?..

Как в этот момент Айбеку хотелось к маме, упасть к ее коленям, прижаться к ней и сидеть так всю оставшуюся жизнь. Он боролся с ужасом, охватившим все его естество, и отвращением ко всему, что его окружало. Но в то же время здравый разум подсказывал, что выхода нет, а инстинкт самосохранения вопил: «Покажи свою готовность и сделай все, как надо, на кону стоит твоя жизнь!» Невозможно было не прислушаться к этому воплю, также, как и невозможно было представить себе весь процесс того действия, которое от них требовали. Собрав все свои силы и стараясь отключить эмоции, Айбек дрожащими руками закатал рукава, показывая свою готовность приступить к делу.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Богдан, – кишки и внутренности можно выбросить, все сложите в мешки, потом закопаете, – он посмотрел на них и, ухмыляясь, добавил, – ну, идите работать, время – деньги, если не хотите такой же судьбы. Вперед! С этими словами он вышел из сарая, оставив молодых людей с ошеломленными лицами. Айбек краем сознания ужаснулся, глядя на Богдана, не представляя, что может сделать человека таким жестоким и циничным. Вероятно, только люди с совершенно неуравновешенной психикой могут говорить о подобных вещах с таким спокойствием. Айбек ненавидел этого мужчину, он даже представил его тело вместо тела Кубана на этом столе, но от этой мысли стало только хуже.

Когда Айбек объяснил Алмазу, чего от них хотят, тот чуть было не упал в обморок. Он смотрел на него, не моргая, и только издавал хриплые звуки. Про третьего и говорить было нечего. Турат просто оцепенел, он стоял неподвижно, не отводя глаз от трупа. Неимоверно трудно было справиться с дрожью в руках и ногах, но, подгоняемый страхом за свою жизнь, Айбек все же сделал несколько шагов по направлению к телу. В эту минуту он был повержен, он понимал, что не сможет сделать то, что было совершенно необходимо сделать. Только подойдя настолько близко, что можно было рассмотреть лицо и кровь, разлитую по всему столу, он дал волю слабости, его ноги подкосились, и он упал на пол, закрывая руками лицо.

«Я не могу это сделать, – думал он, – это просто невозможно!.. Но ты должен, иначе тебя ждет та же участь! – кричало подсознание, и страх пробежал по коже, оставляя мурашки. – Что лучше, умереть из соображений солидарности и страха, или жить с маленькой надеждой, что когда-нибудь все разрешится?» – спрашивал он сам себя.

– Мы должны это сделать! – громко сказал он, поднимая глаза на друзей. – Ему уже все равно, а нам надо выжить и постараться сбежать отсюда! – Айбек указал рукой на лежащего в крови Кубана, – представьте, что это баран, по сути, это одно и то же.

Ребята ошарашенно на него посмотрели, но слабость не дала им высказать все, что они в этот момент о нем думали. Они были ближе с погибшим парнем, пока торчали в Бишкеке, ожидая самолета, успели стать друзьями, и теперь было нетрудно понять их чувства. Почувствовав, что именно ребята хотят высказать ему, Айбек поднял руку и сказал:

– Что вы предлагаете? Умереть, как он? Чтобы нас также кто-то разделал и выбросил в мешках! Как хотите, я не собираюсь здесь умирать! С этими словами он подошел к столу и взял огромный нож. На несколько секунд его снова охватил ужас, и страшная тошнота подкачала к горлу. Но он справился. Сделал глубокий вдох и, схватив Кубана за волосы, отрезал голову, найдя как раз нужное место в позвоночнике. Кровь, как из брандспойта, брызнула на его одежду и лицо, издавая свистящий звук. Трясущимися руками он засунул голову в мешок, крепко его завязал и отнес в дальний угол комнаты. Затем сел на корточки и тихо прочитал поминальный Коран. Как это делают на любых похоронах в мусульманском мире. Он просил

для Кубана мира на небесах и прощения для себя за то, что он сделает с его телом. Айбек хотел верить, что его простят, что не по своей воле он будет делать то, что должен, и что высшие силы примут в свои объятия душу несчастного Кубана. Прodelывая все это, не мешал слезам литься из глаз, они капали на его окровавленную рубашку и постепенно намочили почти всю грудь. Пролит весь запас своих слез, Айбек обещал себе больше никогда не плакать, он не хотел страдать так, как страдал в эту минуту. Он закрыл все щели к своему сердцу и выбросил ключи, мысленно отрезая все доброе и хорошее, что в нем было. В этот миг он стал взрослым бесчувственным мужчиной.

Все. С этого момента все последующие его действия не сопровождались приступами страха и отчаяния, он выполнял работу методично и тщательно. Аккуратно отделял мясо от костей, начав с конечностей, в принципе это занятие и впрямь чем-то походило на разделывание туши барана или лошади, которых так часто режут кыргызы на свои торжества. Ему еще с детства довелось принимать участие в жертвоприношении, он видел, как режут баранов и лошадей, для мальчишки тогда это казалось увлекательным и захватывающим.

Двое остальных тоже присоединились к Айбеку. Глядя, как он спокойно разделывает еще недавно такого живого и смелого Кубана, они пришли в ужас, но страх за свои жизни пересилил, и они взялись ему помогать. Помощник из Турата вышел совсем бесполезный, после каждого надреза его рвало в ванну. Поэтому двум остальным пришлось делать всю самую грязную работу. Совершенно невыносимым было вынимать внутренности, на это у них ушло очень много времени, так как их самих то и дело выворачивало наизнанку от запаха и вида человеческих кишок. Как бы то ни было, друзья справились с работой, и очищенные кости и голова лежали в мешках, а все остальное заняло собой четверть ванны. Потные, заляпанные кровью и продуктами жизнедеятельности, они теперь отмывали руки под шлангом, стараясь хоть чуть-чуть избавиться от этого страшного запаха, въевшегося в кожу, который, казалось, будет их преследовать всю жизнь.

За ними пришел Богдан, как только они закончили умываться. Улыбаясь и одобрительно кивая головой, он похлопал Айбека по плечу.

– А ты молодец! Видите, нет ничего страшного, очередная туша. Теперь мы знаем, кто из вас, чем будет заниматься, – он повернул голову в угол комнаты и, указав на небольшой круглый предмет высоко в углу, похожий на камеру наблюдения, добавил, – хозяин видел, как ты ловко расправился с телом, теперь ты будешь на разделке. А эти двое, – он кивнул на Турата и Алмаза... – им тоже есть работа. Пошли за мной.

Он повел их к столу, на котором уже стояло блюдо с таким же варевом, что им давали вчера, хлеб и вода. Когда Турат увидел еду, его вновь стошнило, и он весь зеленый сел на траву не в состоянии пошевелиться.

– Эй, – крикнул Богдан, – вы должны это сожрать, иначе хозяин разозлится. У нас есть правило. Все мы едим все, что нам дают, до последней крошки. Хозяин не любит, если еда остается. Со временем вы привыкнете. Тем более, что для работы нужна сила, а откуда вы ее будете брать, если ничего не есть? Так что соберись, боров, и уплетай за обе пухлые щеки, – он пнул Турата под зад и, рассмеявшись от его вскрика и боли, которую он причинил, ушел довольный.

Ребята взяли под руки совсем расклеившегося Турата, подвели к столу и усадили, налив кружку воды.

– Ты не ешь, – шепнул ему на ухо Алмаз, – мы тебя прикроем.

Они сели по обе стороны от друга и принялись за еду, это было похоже на тушенку, только не из мяса, а из ненужных отбросов от целой туши и внутренностей.

– К этому запаху, наверное, можно привыкнуть, – сказал Айбек, макая хлеб в соус и рассматривая мякиш.

Алмаз только кивал головой, продолжая впихивать в себя еду, краем глаза поглядывая на больного Турата. Доедали молча, стараясь не думать о том, что только недавно делали, тревога за будущее и мысли об их злосчастной судьбе помогли в этом, и им удалось в относительном спокойствии съесть все, что им подали.

Пришел Богдан и разделил их по обязанностям. Турата отправили в поле, где он должен был собирать кукурузу, косить сено и какие-то еще злаки. Алмаза посадили в ангар с курами, где он должен был отрывать им головы и потрошить тушки.

Айбека же отвели в самую большую постройку на территории, с потолка которой свисали огромные крюки, и всюду болтались туши свиней. Пройдя в глубь, Айбек увидел гигантские деревянные тумбы, на которых лежало множество топоров и ножей.

– Я буду убивать и разделывать свиней? – спросил Айбек у рядом идущего Богдана.

– Угу, – радостно сказал он, – здорово, правда? Тебе понравится. Это очень увлекательная работа, ко всему прочему здесь еще есть шанс вырасти, как я, стать надсмотрщиком. А это почти хозяйская обязанность. Меня босс берет с собой в город иногда, так что, думаю, тебе повезло.

Айбек так и не понял, шутит ли Богдан или на самом деле говорит то, что думает. Если он не шутил, то ситуация еще хуже, чем он думал, этот человек стал рабом не только физически, но рабом моральным, почти сторожевым псом для своего хозяина.

– Но я не умею разделывать свиней, – сказал Айбек, глядя на висящие повсюду туши.

– Это не трудней, чем разделать человека, – он подмигнул парню и стал объяснять, что именно ему придется делать.

– Потом подвязываешь тушу к крюку и начинаешь отделять по частям, схема частей висит на стене, – рассказывал мужчина. – Главное, ровно разделить самые дорогие куски, если испортишь хоть один, хозяин тебя накажет.

– Как накажет?

– Обычно, это порка плетью или палкой. Но, бывает, к нему приезжают друзья, так вот они любят поразвлечься с тем, кто часто ошибается. Поэтому не рекомендую тебе ошибаться, если не хочешь стать здешним петушком.

– Петушком? – в недоумении спросил растерянный парень.

– Ну, петушком, проститутотом, надувной куклой для извращенных игр.

– Я не понимаю, – откровенно сказал Айбек.

– Ты тупой? – с удивлением спросил Богдан. – Насиловать тебя будут, понял?

Кулаки Айбека непроизвольно сжались, и он глубоко вздохнул.

– Понял, – сказал он коротко.

– Вот и отлично, – продолжал надсмотрщик. – Давай я покажу тебе, как отделить самые ценные куски.

Через полчаса Айбек, стоя с ножом в руках и каплями крови на лице, откидывал филе на большую телегу, которую каждый час забирали какие-то мужчины, увозя в большой дом. Остаток дня он провел, не выходя из здания, до самой темноты продолжал разделывать, срезать и отделять свинину. В сарае иногда заходили мужчины, иногда женщины, что удивило его, потому что он не думал, что здесь могут быть еще и женщины. Как заметил Айбек, здесь никто ни с кем не разговаривал, не смотрел друг на друга. Все молча делали свою работу и старались держаться от людей подальше.

За ним пришли и отвели к шлангу с водой, дали старые вещи и кусок мыла.

– Мойся, потом можешь идти ужинать и спать, завтра подъем в пять утра. Мы идем на бойню, – сказал Богдан и оставил его.

Айбек мылся и был благодарен богу за воду, никогда еще в своей жизни он не ценил воду, как сейчас. Весь в крови и потрохах, источая страшную вонь, он с головой поливал себя со шланга, даже не замечая, что вода была ледяной. Помывшись и почувствовав себя человеком, а

не животным, он смог глубоко вздохнуть и хоть немного расслабиться. Парень натянул все, что принес Богдан, и осмотрел себя: футболка была поношенной, но чистой, штаны свободными и мягкими. «В них, должно быть, удобно работать», – подумал он и отправился к уже знакомому столу, за которым сидели Алмаз и Турат. Последний выглядел ужасно, он, слегка подбоченившись, полулежал на скамейке и, подойдя, Айбек понял почему. Все его лицо было в синяках и кровоподтеках, рубашка изодрана, а на спине виднелись полосы от плети. Пытаясь проглотить комок в горле, он все же сел, не подавая виду. Алмаз сидел, молча уставившись в свою тарелку, и не поднимал опущенных глаз. Видимо, ему тоже досталось. Кроме них за столом сидело еще несколько парней, но никто и бровью не повел при его появлении. Все были погружены в свои тарелки и быстро уплетали то же самое варево, что и днем. Ужин не был долгим, поели и за ними пришел Богдан, который отправил их в тот же сарай, где они спали предыдущей ночью.

– Теперь это ваша конура, спать будете здесь, туалет через одно здание, запирайте я вас не буду, но учтите, территория просматривается, и за всеми вами наблюдают, при попытке к бегству вас тут же пристрелят и глазом не моргнут. Кроме того, на поле есть места, где проходит ток, так что сбежать через поле тоже не удастся, вам надо смириться с вашей долей и работать, – он посмотрел на Турата, который лежал на стоге сена, всхлипывая и стона. – Что касается этого жирдяя, то объясните ему, если он не будет работать, а станет отлынивать, его убьют, и вас заставят разделять его жирное тело, – с этими словами он вышел из сарая, прикрывая двери, но, не запирая их на засов.

Оставшись наедине, парни громко вздохнули и подошли к плачущему Турату.

– Его били палкой и плетью, я видел, – поежившись, сказал Алмаз. – Потом, когда он упал, стали бить ногами по лицу. – Айбек сел возле Турата и осторожно отодвинул разорванную рубаху, из глубоких порезов сочилась кровь.

– Раны надо обработать, нужен спирт, – сказал он Алмазу, который с жалостью смотрел на парня.

– Мы скинулись и купили виски в аэропорту, хотели отпраздновать и узнать, какой он на вкус, – вспомнил Алмаз. – Подойдет?

– Тащи сюда, попробуем смазать раны им, там же должен быть спирт.

Алмаз порылся в своей холщевой сумке и достал полулитровую бутылку Jameson. В его сумке еще была чистая футболка, которую они порвали, сделав что-то похожее на бинты. Смочив тряпку в виски, ребята аккуратно прикоснулись к ране, но мальчишка так взвыл, что пришлось отыскать небольшой брусок деревяшки и засунуть ему в рот.

– Если ты будешь орать, они заберут у нас виски, и ты умрешь от заражения, ты помнишь, он говорил про болезни, наверное, это и имел в виду. Лежи смирно, потерпи, ты меня понял? – спросил его Айбек, низко наклонившись к уху парня. Турат слабо кивнул и зажмурился, закусывая брусок.

Обрабатывая рану за раной, друзья каждый раз делали передышку, так как раненый был на грани обморока. Закончив со спиной, они налили в пластиковый стакан добрую порцию напитка и влили ее в рот Турату.

– Теперь ты сможешь поспать. Завтра надо встать раньше и обработать раны еще раз, чтобы он смог надеть футболку и пойти работать, – сказал Айбек.

От этих слов Турат зашевелился и отчаянно замахал головой.

– Тебе придется работать, иначе они тебя убьют. Ты должен быть мужественным. – успокаивающим голосом сказал Алмаз.

– Пусть убьют, – тихо ответил Турат, и из его глаз полились слезы.

Ребята не стали мешать ему плакать, и оставили друга лежать на животе.

– Предлагаю выпить понемногу и ложиться спать, – предложил Айбек. Он сделал глоток прямо из бутылки и ощутил жар, разливающийся по всему телу. На вкус напиток ему не понравился, он был горьким, и хотелось запить его чем-нибудь сладким, правда, как успокои-

тельное, виски сработал «на ура». Тело мгновенно расслабилось и стало клонить в сон. – Тебе не надо обрабатывать раны? – спросил он, передавая бутылку в руки Алмазу.

– Нет, они меня только два раза ударили за то, что я уронил тушку в грязь, и то не плетью, а палкой, так что я нормально, – ответил тот, морщась и протирая горлышко бутылки.

– Виски надо убрать подальше, – сказал Айбек, посмотрев на бутылку, и стал искать место, куда можно было бы спрятать их сокровище. – Он нам может еще понадобится, вдруг кого-то из нас изобьют, у нас должен быть спирт.

Алмаз только устало кивнул в знак согласия и молча наблюдал за другом. Наконец Айбеку удалось обнаружить нечто вроде ниши, заваленной сеном и дровами, он протиснул туда бутылку, натаскал больше сена и облегченно вздохнул.

– Смерть от заражения нам не грозит. Давай спать.

Лежа на спине, Айбек через несколько минут услышал храп соотечественников и попытался отогнать напрашивающиеся воспоминания о прошедшем дне. Один день, всего один маленький день показался ему целой жизнью. События утра казались ему далеким прошлым, и его молодой разум был готов сразу же их забыть. Он хотел не видеть перед глазами этой картины с падающим замертво Кубаном, его окровавленным телом и человеческими внутренностями.

Мысленно Айбек вернулся к самому началу, он вспомнил свой побег из дома и работу на базаре, все трудности, с которыми он сталкивался, и мечты, которые освещали ему путь. Сегодня он стал взрослым в одночасье, вынырнув из детства и юношеских грез, его будто облили ледяной водой, после чего он стал смотреть на мир по-другому. В этот момент его вера пошатнулась. Привыкший молиться и выросший в религиозной семье, он ни на секунду не сомневался в существовании высшего творца. Но после сегодняшних событий он задался вопросом: «За что?»

– Я никого не грабил, не убивал, помогал маме и делал хорошие дела. Почему именно я сейчас лежу, окруженный свиньями и злыми людьми, давно разочаровавшимися в жизни? Разве я заслужил это? Почему мои молитвы и просьбы ты игнорируешь? За что мне, и так страдавшему в жизни, выросшему без отца и поддержки, такие страшные испытания? Говорят, ты посылаешь ровно столько, сколько человек может выдержать. Но я не могу это выдержать! У меня нет сил и нет желания проходить через все это горе!

Страшная ненависть закипала в нем, он готов был проклясть и бога, и всех его адептов за то, что они учат быть честными. Он спрашивал у Всевышнего о причине его жестокости, но не слышал ответа.

– Неужели я этого заслуживаю? Или тебя вовсе нет, раз ты так спокойно смотришь на этот беспредел. Почему люди, которые мечтают о хорошем, и с готовностью выполняют все твои заповеди, вынуждены страдать и проходить через эти ужасные испытания? Если бы ты был, и был такой, как о тебе говорят, то ты бы не позволил хорошим людям проходить через этот ад. Значит, тебя нет. Значит, нас обманывают, принуждают жить по чужим правилам и бояться наказания после смерти. Напрасны все мои молитвы и вся любовь, которую я тебе дарил, каждый день прославляя твое имя.

Айбек хотел навсегда отречься от Бога и отказаться от религии, но вспомнил маму, вспомнил сестренку и смерть своих бабушки и дедушки. По странному стечению обстоятельств бабушка скончалась в день рождения деда, а тот в день рождения бабушки, ровно через год. Он вспомнил слова деда, который всегда говорил, что рано или поздно человеку воздается за его труды и хорошие поступки. Дед безоговорочно верил в силу Всевышнего и даже, несмотря на обман и хитрости, продолжал верить в людей и их порядочность.

Борьба добра со злом в этот момент бушевала в душе у Айбека. Горький опыт кричал: «Отрекись!» Душа призывала: «Терпи и верь!» Только любовь к своей семье не позволила темноте одолеть его душу. Он глубоко вздохнул и мысленно обратился к Богу с такими словами:

– Я знаю, что ты меня видишь и слышишь, я знаю, что тебе не все равно. Я понимаю, что еще многого не знаю и должен пройти свой собственный путь. Я прошу только об одном, не позволяй мне сгинуть здесь среди этой грязи и мрака. Я хочу хотя бы еще раз увидеть маму. Если ты меня слышишь, то дай знак. И словно в ответ на его просьбу, раненый Турат громко всхрипнул. Не зная, расценивать ли это как знак или просто счесть за совпадение, но Айбек решил для себя, что не позволит страху овладеть его сердцем. Он сохранил в себе веру и решил больше никогда не позволять себе в ней усомниться.

Мечтая о сне, он проворочался еще час, но так и не сумев уснуть, отправился в туалет. Его путь лежал через здание и, проходя мимо, он услышал голоса. Подойдя поближе и заглянув в щель, сквозь которую пробивался тусклый свет, он увидел, как двое мужчин, говоривших на непонятном ему языке, вытаскивали из ванны, которую он узнал, куски мяса, бросая их в огромную мясорубку. Провернутое мясо падало в грязный чан, в котором уже были какие-то ошметки кровавого цвета, и мужчины палкой перемешивали получившееся месиво.

Забыв о туалете, Айбек вернулся назад и снова улегся на свой стог, ему стало еще хуже, о сне теперь можно было забыть однозначно.

«Значит, они для чего-то используют человечину? Это была не просто пытка, они ее перекручивают и что-то из нее делают, может быть, и нас кормят», – с ужасом подумал он. От догадки к горлу подкатила тошнота. Он хотел забыться и уснуть, хотел не думать обо всех этих ужасах. Но куда ему было справиться со всеми яркими картинками того кошмара, который он сегодня пережил.

– Прости меня, Кубан, – шепотом сказал Айбек, он надеялся, парень понимает, что у него не было другого выхода.

Мысли его менялись со скоростью света, то и дело возвращая к разделке тела парня. Он вспоминал родное село, маму и мысленно просил прощения у нее за то, что оставил одну, сокрушался о своей глупости и самонадеянности. Не мог он не думать о Каныкей, правда, сейчас его мысли о ней имели совсем другой оттенок, теперь он не восхищался ею, как еще совсем недавно. Он теперь думал о ней, как об избалованной пигалице, бесчувственной и думающей только о себе. Вспоминал он и о Нишан-байке, ему не хотелось верить, что старик обманул его намеренно, скорее всего, это результат злополучной случайности, в которой нет виноватых. Но, как бы он не уговаривал себя, он не мог заглушить сильное чувство собственной вины. Айбек прекрасно понимал, что во всем его кошмаре виноват он сам, и выбираться из всего этого дерьма должен тоже сам.

Так и провалявшись без сна почти до рассвета, он поднялся и достал спрятанную бутылку, по пути будя сонного Алмаза. Подойдя к Турату, который крепко спал, ребята разбудили стонущего раненого парня и снова обработали ему раны, которые за ночь стали глубже и покраснели. Несчастный толстячок снова кричал от боли, закусывая губу и хватаясь за руку Алмаза. Опасаясь, как бы ни вошел надсмотрщик, ребята быстро надели футболку на искаженного от боли друга и снова спрятали бутылку.

– Ты должен стараться! Пожалуйста! – просил Айбек, – иначе они тебя убьют! Я обещаю, что придумаю, как нам отсюда сбежать, нам нужно только время, чтобы осмотреться и понять, как здесь все устроено. Ты веришь мне? – с надеждой в голосе спросил он у Турата.

– Да, – ответил тот, пытаясь улыбнуться, но ему это не удалось, так как лицо его было похоже на синий бесформенный кусок мяса.

– Вот и хорошо! Будь сильным, делай все, как они говорят.

В эту минуту в сарай вошел Богдан, с подозрением разглядывая друзей, которые при его появлении резко замолчали.

– Пошли работать, – грубо сказал он и вышел.

Завтрак был точно такой же, как и вчера, но в этот раз друзья ели активнее, помня, что работать им придется много. Потом каждый ушел заниматься своими делами, Айбека повели в свинарник и вместе с двумя мужиками они резали свиней до самого обеда. Эта работа не показалась ему страшной или трудной. После пережитого им накануне, он уже ничего не боялся, и смело колот и резал огромных животных ножами и длинными штырями. Потом его опять отправили на рабочее место и, как вчера, он до ночи разделявал туши.

Исключением сегодняшнего дня стал короткий разговор с одним из мужчин, с которыми они резали свиней. Визг и хрюканье животных позволили им поговорить безнаказанно.

– Ты откуда? – спросил он у Айбека.

– Кыргызстан, – коротко ответил он.

– Таких здесь еще не было, – улыбнулся напарник своей беззубой улыбкой.

– А вы откуда?

– Молдова, отсюда же откуда и наш «замечательный» надсмотрщик.

– Богдан тоже из Молдовы?

– Да, только не вздумай ему рассказать, что мы с тобой пообщались. Здесь это не положено.

Айбек кивнул и огляделся.

– А разве отсюда совсем невозможно сбежать? – почти не раскрывая рта, спросил он.

– Возможно, только смысл? Паспорта все равно у них. Был один, кому это удалось, но местная полиция схватила его по наводке и теперь он сидит в тюрьме. Разницы нет никакой, – пожав плечами, сказал мужчина.

– Лучше тюрьма, – тихо сказал Айбек.

– Ошибаешься, у них все куплено, в тюрьме тебе устроят адскую жизнь, – усмехнувшись, сказал беззубый. – Здесь хоть надежда есть.

– А как он сбежал?

– Не знаю, давай работать, – грубо оборвал его тот, и они принялись за новую свинью.

Этот разговор дал пищу для размышлений, которые Айбек отложил на потом, когда сможет спокойно, в одиночестве обо всем подумать.

После ужина, того же самого, как и всегда, они отправились к себе в сарай и снова принялись успокаивать раненого Турата.

– Ты молодец, ты выдержал, работал без наказаний. Ни один из нас не выдержал бы такого! – сказал Айбек, многозначительно глянув на Алмаза, который в свою очередь закивал, соглашаясь с его словами.

– Ты, правда, молодец, – подтвердил Алмаз.

– Мы еще обработаем раны, и завтра станет намного лучше. Ложись.

Они осторожно принялись за работу, не забыв обработать и царапинки на лице. Покончив со всеми процедурами и спрятав бутылку, они улеглись спать. Но у Айбека снова сна не было ни в одном глазу. Он мысленно представлял, как они сбегают отсюда, и полиция за ними не поспевает. Он размышлял над словами беззубого, и в его душе зародилась реальная надежда, которую он холил и лелеял, сдабривая радужными мечтами освобождения из плена. Он теперь точно знал, что кто-то уже сбежал из этого проклятого места. Просто необходимо все тщательно спланировать, подготовиться. Без информации и знаний далеко не убежишь, поэтому самое главное, не торопиться и выждать время. «Теперь я буду слушать и запоминать, учиться ждать и, когда появится хоть маленькая возможность, непременно ею воспользуюсь», – говорил он себе.

Проведя в мечтах и размышлениях пару-тройку часов, Айбек незаметно для себя самого уснул, а проснулся от громкого голоса, раздавшегося прямо над его ухом. Над ним стоял Богдан и громко будил его, одновременно пиная спящего Алмаза.

– Вы думаете, что отдыхать сюда приехали? На солнышке погреться? Подъем!

С неохотой, еще не проснувшись, ребята соскочили, протирая глаза. Сонные и недовольные резким пробуждением, они молча шли за своим надсмотрщиком, ели и пили, но окончательно проснуться удалось только после ледяной воды, которой трудяги умылись после завтрака.

Готовые к очередному дню тяжелой работы Айбек и Алмаз обреченно отправились по своим рабочим местам, но Турат, чьи раны болели еще сильнее, с трудом передвигал ногами. Корчась от боли, со слезами на глазах он медленно поплелся к полю, подгоняемый Богданом, который шипя и угрожая, следовал за ним.

Очередной день тяжелой грязной работы протекал, как обычно, пока все в округе не услышали душераздирающие крики боли, смешанные со звуками рассекающего воздух хлыста. Крики перекрыли даже свиной визг и шум пилы, режущей толстые кости животных. Все обернулись и вдалеке разглядели лежащего на земле парня, а также нависшего над ним Богдана с плетью в руке. Его рука в очередной раз замахнулась, но спешащий на выручку Айбек успел заслонить собой толстячка, приняв на себя удар.

– Отойди! – заорал Богдан с красным от злости и потным лицом, – или сам получишь вместо него.

Айбек не пошевелился и продолжал лежать на Турате, крепко зажав кулаки и стиснув зубы.

К надзирателю спокойным шагом подошел хозяин и шепотом что-то сказал, указывая на мальчишек. Богдан кивнул и, гадко улыбнувшись, опустил руку с хлыстом.

– Ну, хорошо, если ты такой добренький и готов взять на себя его удары, то и работу можешь его выполнять, – сказал он, скалясь. – Будешь работать и за него, и за себя, а толстяк, – он пнул носком ботинка стонущего Турата, – будет валяться без работы и лечиться. Согласен? – злорадствовал он.

Айбек зажмурился, стараясь не выдать своей ненависти к этим нелюдям, преодолевая страстное желание накинуться на надсмотрщика и стереть с его лица довольную ухмылку, но парень только кивнул и спокойно поднялся на ноги.

– Хорошо, – только и ответил Айбек.

– Вот и отлично, как закончишь со своей возней, пойдешь на поле. Хотя нет, я передумал, вначале сделаешь его работу, а потом примешься за свою, у тебя вся ночь впереди, – надзиратель, откровенно веселясь, продолжил, – спать тебе не придется никогда. Но если ты только не справишься или затянешь с отгрузкой, то тебя ждет участь похуже, чем у этого жирдяя.

Ничего не говоря и даже не посмотрев на своего мучителя, парень отправился на поле, не замечая саднящую боль от удара хлыста.

Работа на поле показалась Айбеку не тяжелей его собственной, к тому же работать было приятней, все же это был свежий воздух и хоть какое-то разнообразие. Над головой пролетали птицы, и мелкая мошкара то и дело налипала на мокрый от пота лоб. Отрываясь на секунду от работы, он с завистью смотрел на летящих пернатых, завидуя их свободе. С каждым взмахом серпа он мысленно уносился прочь от этой тюрьмы, и дух его рвался на любимый холм, с которого был виден весь родной поселок. Он представил лица сестренки и мамы, отчего по венам разлилось тепло. Ради них он должен держаться, должен выжить и сбежать. Но он также не мог не вступить за раненого соотечественника, по его мнению, это было недопустимо для настоящего мужчины. Так его воспитали и этому учили все книги, которые он читал, и это, по его мнению, было правильным. Нельзя бросать друзей в беде и нельзя думать только о себе. Он верил, что любой из них сделал бы то же самое и для него.

Проведя на поле весь день, Айбек пошел на ужин, после которого двое друзей отправились в сарай, а он на свое рабочее место, в свой ангар разделять свежесваленных свиней.

Он успел тихо шепнуть Алмазу за ужином, чтобы тот обработал раны их друга, и пока рубил мясо, надеялся, что пухляку станет лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.